

М. А. Беляев

ОПИСАНИЕ СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧИМОСТИ ЯЗЫКОВ

Воронежский государственный университет

Резюме. В работе показано, что (1) существуют языки описания сознания, вытекающие из основных метафизических гипотез – физикализма, дуализма, нейтрализма; (2) данные языки не являются хорошо различимыми; (3) это обстоятельство не позволяет обосновать, почему одна из метафизических гипотез о природе сознания предпочтительнее других.

Ключевые слова: сознание, дуализм, физикализм, нейтрализм, квалиа, приватный язык.

Дискуссии о природе сознания опираются на одну из трех онтологических гипотез:

(1) сознание – самостоятельная реальность, не связанная с материей причинно-следственными связями. Эта позиция называется дуализмом, обозначим ее как «D-гипотеза». Следует заметить, что дуализмом обычно называют метафизическую гипотезу Декарта, который понимает субстанциальность души (термина «сознание» у него нет) в аристотелевской парадигме и не отрицает каузальных связей между телом и душой [Этот вариант дуализма подвергнут рациональной реконструкции (точнее, аксиоматизирован) в работе Hawthorne, J. См.: 3, pp.87–98]. Целесообразно называть это ослабленным вариантом дуализма, а приведенную выше формулировку обозначить как строгий дуализм;

(2) сознание – нечто производное от физической (материальной) субстанции. Эту позицию принято называть физикализмом (хотя можно было назвать и натурализмом), будем обозначать ее как «F-гипотеза» [См., напр.: 2, pp. 1–23];

(3) и материя, и сознание являются не субстанциями, а модусами чего-то третьего, и это третье – единственная абсолютная реальность. По отношению к материи и сознанию вопрос о первичности-вторичности ставить бессмысленно. Впервые точка зрения подобного рода была обстоятельно рассмотрена в работе Спинозы «Этика». Некоторые философы обозначают эту установку как нейтрализм, мы назовем ее «N-гипотезой» [Другое название этой концепции – «нейтральный монизм» (см., напр.: 4, pp. 48–67; 5, pp. 128–146)].

Эти гипотезы находятся внутри ситуации выбора, характерной для любого рационального дискурса, когда предпочтительной должна оказаться так или иная концепция, соответствующая некоторому основанию предпочтения. При этом не так важно, каково данное основание предпочтения, важнее то, что выбор теории можно осуществить лишь в том случае, если языки описания исследуемого объекта хорошо различимы. Уточним: различимость языков описания сознания выступает необходимым условием соизмерения аргументов, предъявляемых в дискуссии. В противном случае получится нечто, напоминающее спор верующего и атеиста, – их аргументы опираются на существенно разные картины мира, а частные

предположения, в том числе основанные на фактах, оказываются по-разному истолкованными.

В свете сказанного мы сталкиваемся с проблемой: языки описания сознания не могут считаться хорошо различимыми. Поясню этот тезис. Допустим, все гипотезы изначально являются равновероятными. Задача познающего субъекта состоит в повышении вероятности доводов в пользу одной из трех гипотез. В науке не всегда бывает так, что предположение трансформируется в необходимое суждение, иногда модальность гипотезы не меняется, но в силу принятия определенных аргументов конкурирующие гипотезы становятся менее вероятными, и выигрышную гипотезу имеет смысл использовать как наилучшее объяснение. Защищаемый мной тезис состоит в том, что среди трех гипотез, поименованных выше, ни одна не может считаться наилучшим объяснением по той простой причине, что следствия из гипотез изложены на языке, не позволяющем однозначно установить, из какой именно гипотезы выведено то или иное следствие.

Конечно, данное рассуждение следовало бы обосновать в самом общем виде, но за недостатком места я буду рассматривать один частный пример. Возьмем в качестве прецедента случай опровержения D-гипотезы через доводы Д. Иванова о невозможности инверсии спектра [См.: 1, С. 152 – 183].

Д. Иванов рассуждает следующим образом. Наиважнейшее средство идентификации сознания – наш собственный опыт, который носит феноменальный характер. Состояния сознания качественно отличаются друг от друга, у каждого состояния есть характерные свойства, которые и принято называть квалиа. Если сознание представляет собой субстанцию, то квалиа ни с чем кроме друг друга не соотносятся причинно-следственным образом, поскольку не зависят от отношений тела и мира, от внутренней организации тела и пр. Тогда должен быть возможен сценарий инвертированного спектра – мысленный эксперимент, в котором нам предлагают представить ситуацию, когда два существа, тождественных и физически, и функционально, оказываются наделенными разными феноменальными качествами (например, они ассоциируют разные цвета с понятием «синий»). Несложно понять, почему этот сценарий возможен: если сознание индивидуума субстанциально, в том, как оно действует, есть элемент произвола. Следовательно, могут складываться такие комбинации феноменальных свойств, которые и образуют в итоге перевернутый спектр (причем здесь термин «спектр» взят в широком смысле этого слова, т.е. как всякий интервал, на котором изменяется определенная физическая величина). Поскольку такие положения дел возможны, велика вероятность, что они действительно произойдут – с кем-то и когда-то. Посему мысленный эксперимент в данном случае вполне оправдан.

Но сознание локализовано в пределах одной личности, следовательно, единственным критерием правильного употребления понятия «синий» будет свидетельство того субъекта, который переживает соответствующий феноменальный опыт. Никто другой не может удостовериться, правильно ли фиксируются данными

терминами и фиксируются ли вообще эти свойства. Однако, как отмечал Витгенштейн, критикуя идею частного языка (и эти аргументы приводит в своей работе Д. Иванов), в этом случае вообще не может быть каких-либо критериев правильности употребления данных ментальных терминов, поскольку субъект называет правильным лишь то, что ему самому кажется правильным. Иными словами, представление о правильности употребления понятий настолько субъективно, что вовсе исключается из контекстов, в которых могут быть обсуждаемы феномены психики. В целом, довод Витгенштейна кажется заслуживающим внимания, хотя замечу, что невозможность обсуждать психику сама по себе еще не предопределяет невозможности говорить о сознании, поскольку для философии это не один и тот же объект, а два существенно разных. Но это не принципиально, и мы согласимся с тем, что сказал Витгенштейн.

Итак, представления о правильности употребления слов не могут быть «собственностью» индивидуума. Следовательно, либо существует тождество частного и социального языков, либо частного языка вовсе нет, а есть язык социальный (тот, который изучает лингвистика). Вторая альтернатива означает, что субъект, описывая собственный опыт, вынужден перманентно лгать (фантазировать), ведь для выражения феноменальной реальности не существует понятий, в то время как существующие в языке понятия не могут выражать нечто о квалиа. С другой стороны, если эта перманентная ложь (фантазия) множества субъектов взаимно согласована, то нет особой проблемы: внутренний мир личности остается без прямого выражения, но коммуникативных трудностей из-за этого не возникает, как следствие, нет и когнитивных трудностей, поскольку предметом познания выступает всё, что есть в мире, кроме самого «Я». Оно остается «слепым пятном» на метафизической карте мироздания.

Итак, мы пришли к следующим альтернативам:

(а) существует тождество (полное или частичное – вопрос иной) частного и социального языков, тогда феноменальный опыт субъекта выразим в той мере, в какой он изложен на социально легитимизированном языке, описывающем рефлексивное восприятие интенциональных актов. Такой способ выражения будем считать адекватным социальному контексту. Тогда, если сознание интендирует к физической реальности, повышается вероятность F-гипотезы, а если сознание интендирует к нефизической реальности, повышается вероятность N-гипотезы;

(b) частного языка в принципе не существует. Тогда имеются два варианта:

(b1) феноменальный опыт субъекта невыразим абсолютно. При этом, конечно, невыразимость опыта не позволяет умозаключать о его отсутствии. С другой стороны, что-то определенное о нем сказать трудно. Такое положение дел противоречит нашей интуиции и возможностям интроспективного анализа, но стоит заметить, что с чисто логической точки зрения D-гипотеза здесь не меняет степени своей вероятности;

(b2) опыт субъекта выразим средствами социального языка, но это выражение неадекватно социальному контексту, ибо не существует способа проверить

правильность рефлексивного восприятия интенциональных актов, так что здесь на новом уровне может быть воспроизведен аргумент об инверсии спектра.

Обозначился ряд весьма интересных промежуточных выводов:

1 – рассмотрев аргумент об инверсии спектра, мы получили три исхода, причем первый исход снижает вероятность D-гипотезы, второй сохраняет степень ее вероятности, а третий влечет бесконечно прогрессирующий критический разбор тех самых доводов, на которых было основано рассуждение в целом, провоцируя нас возвращаться к уже сказанному;

2а – общее предположение о том, что вероятность всех гипотез одинакова, само по себе есть довольно утонченный мысленный эксперимент, весьма далекий от действительности. Однако для решения поставленных мной задач он необходим: в противном случае долго рассуждать о причинах и условиях привилегированного статуса какого-то из анализируемых способов описания, а это только затемняет суть вопроса;

2b – даже если мы довольно точно обозначили три альтернативы, сделать между ними обоснованный выбор мы не в состоянии, поскольку этот выбор должен быть подкреплен аргументом, в равной степени независимым и от (а), и от (b). Однако коль скоро любой такой аргумент будет высказан на каком-то языке, он будет принадлежать либо сфере социального, либо сфере частного (третьего варианта нет);

3 – неопределенность в отношении вероятности гипотез о природе сознания сохраняется. Только в одном из трех рассмотренных нами случаев вероятность D-гипотезы может снизиться. При этом снижение вероятности D-гипотезы само по себе не является эффективным объяснением природы сознания, поскольку не позволяет различить между двумя другими гипотезами. Эффективность объяснения сознания имела бы место там, где вероятность сразу двух гипотез одновременно снижалась, повышая тем самым вероятность третьей гипотезы.

Таким образом, даже зная альтернативные исходы, к которым приводит нас критика одной из трех метафизических гипотез о природе сознания, мы оказываемся не в состоянии предпочесть одну гипотезу о природе сознания двум другим до тех пор, пока не построим соответствующие каждой гипотезе языки описания, хорошо различимые между собой. Не исключено, что эта задача неразрешима. Невозможность построения таких языков может свидетельствовать и о том, что набор данных гипотез несостоятелен, что повлечет их фундаментальный пересмотр. В целом, множество возможных последствий довольно обширно, далеко не все из них очевидны как для автора этого текста, так и для философского сообщества.

Литература.

1. Иванов Д.В. Природа феноменального сознания / Д.В. Иванов. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

2. Dowell, J.L. Formulating the Thesis of Physicalism // *Philosophical Studies*, 2006. Vol. 131, pp. 1–23.

3. Hawthorne, J. Cartesian Dualism // Persons Human and Divine / Ed. by Peter van Inwagen & Dean Zimmerman. – Oxford, 2007. – pp. 87 – 98.

4. Holman, E. Panpsychism, Physicalism, Neutral Monism and the Russellian Theory of Mind // Journal of Consciousness Studies, 2008, Vol. 15 (5), pp. 48–67.

5. Persson, I. Consciousness as Existence as a Form of Neutral Monism // Journal of Consciousness Studies, 2006. Vol. 13 (7–8), pp. 128–146.

Abstract.

M.A. Belyaev

DESCRIPTION OF CONSCIOUSNESS: A QUESTION ABOUT INDISCERNIBILITY OF LANGUAGES

Voronezh State University

This paper shows that (1) there are three languages arising from the three metaphysical hypotheses about the nature of consciousness (physicalism, dualism, neutralism); (2) these languages are not explicit; (3) hence it is impossible to justify why one of the metaphysical hypotheses is preferable to others.

Keywords: consciousness, dualism, physicalism, neutralism, qualia, private language.

References

1. Dowell, J.L. Formulating the Thesis of Physicalism // Philosophical Studies, 2006. Vol. 131, p. 1–23;

2. Hawthorne, J. Cartesian Dualism // Persons Human and Divine / Ed. by Peter van Inwagen & Dean Zimmerman. – Oxford, 2007. – p. 87 – 98;

3. Holman, E. Panpsychism, Physicalism, Neutral Monism and the Russellian Theory of Mind // Journal of Consciousness Studies, 2008, Vol. 15 (5), p. 48–67;

4. Ivanov D.V. Priroda fenomenalnogo soznaniya (The Nature of Phenomenal Consciousness) / D.V. Ivanov. – Moscow : Knizhnyi Dom LIBROKOM, 2013;

5. Persson, I. Consciousness as Existence as a Form of Neutral Monism // Journal of Consciousness Studies, 2006. Vol. 13 (7–8), p. 128–146.

Сведения об авторах: Беляев Максим Александрович - кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета; E-mail: yurist84@inbox.ru